

ПОСЛЕДНИЙ ЕВРАЗИЕЦ ЛЕВ ГУМИЛЕВ

АВТОБИОГРАФИЯ (ВОСПОМИНАНИЯ О РОДИТЕЛЯХ)

В год тысячелетия Казани в столице Татарстана торжественно был открыт памятник Льву Николаевичу Гумилеву (1912-2000) – великому учёному, патриоту, интернационалисту. Почему этот единственный памятник на территории бывшего СССР возведён честь Л.Н.Гумилева на татарской земле? Ученый всю свою трудную, трагическую жизнь посвятил изучению взаимоотношений Руси и Степи, научно опроверг многие «ходячие истины» типа «татаро-монгольского ига», доказательно прояснил темные места в Средневековье на евразийском пространстве, показал величайшую роль тюркских народов в истории человечества, в частности в становлении российского государства.

Сын двух великих поэтов России – Николая Гумилева и Анны Ахматовой – так рассказывал о том, как он пришел к теме своей жизни. «Когда я был ребенком и читал Майн Рида, я неизменно сочувствовал индейцам, защищавшим свою землю от «бледнолицых». Но, поступив в университет и начав изучать всеобщую историю на первом курсе, обнаружил, что в истории Евразии есть свои «индейцы» – тюрки и монголы. Я увидел, что аборигены евразийской степи также мужественны, верны слову, наивны, как и коренные жители североамериканских прерий и лесов Канады. Но больше всего меня поразило другое. Отношение цивилизованных европейцев к индейцам ничем не отличалось от их отношения к тюркам и монголам. И те, и другие считались равно «дикими», отсталыми народами, лишенными права на уважение к их самобытности».

Л.Н.Гумилев решил написать историю тюрков и монголов, какой наука еще не имела. Для Гумилева Великая степь стала не просто объектом исследований. Люди и природа Великой степи были для него любовью в подлинном смысле этого слова. Борьбу с предвзятым отношением к народам Евразии он считал своим нравственным долгом. Неслучайно свой труд «Древние тюрки» учёный предварил словами: «Посвящаю эту книгу нашим братьям – тюркским народам Советского Союза». Не раз он в беседах и выступлениях воскликнул: «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...»

Евразийство – новая историко-географическая школа – зародилась в эмиграции среди поколения молодых русских учёных. В число «евразийцев» входили в разное время историк Г.В.Вернадский, философ Л.П.Карсавин, географ П.Н.Савицкий и другие деятели изгнанной русской науки и культуры. Суть «евразийской» доктрины – тождество исторических судеб России и Евразии. Евразийцы первыми отказались от идеи о татаро-монгольском иге, которая главенствовала в русской историографии с XVIII века. Л.Н.Гумилев получил возможность ознакомиться с идеями евразийства только в 60-е годы, когда завершил работу над «Степной трилогией». Он полностью разделил взгляды и оценки евразийцев, а столпы евразийства Г.В.Вернадский и П.Н.Савицкий считали Гумилева полноправным членом своей научной школы. В позднейших публикациях Л.Н.Гумилев называл себя «последним евразийцем».

Сталинское время принесло будущему учёному тяжёлые личные

испытания. В 1921 году по доносу расстреляли его отца, в 1935-м впервые арестовывают молодого Гумилева, но вскоре выпускают, чтобы спустя 4 года приговорить к 5 годам заключения. Освободившись, Гумилев уходит добровольцем на фронт, штурмует Берлин, но сражается после войны, в 1946 году, когда вышло одиозное партийное постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград», огульно обвинившее творчество Анны Ахматовой, воинапобедителя снова сажают в тюрьму и отправляют в лагеря на 10 лет. Окончательно свободу Лев Николаевич обретает только в 1956 году, в возрасте 43 лет.

Я, Лев Николаевич Гумилев, родился в 1912 году, осенью, 1 октября по новому стилю. В этот день, что очень редко бывает, пошел снег. Родился я на Васильевском острове в родильном доме, но родители мои жили в Царском Селе, в маленьком домике, который заработал мой покойный дед и сделал из него не большой семейный дом. Кроме того, мои родители обладали опять-таки небольшим двухэтажным домом (вернее, домом с мезонином) в Тверской губернии — в родной земле моих бабушки, рядом с деревней Слепнево.

Отношения у бабушки с крестьянами были самыми наилучшими, потому что дедство свое она провела в этой деревне,

Ивановна привезла меня из Бежецка к папе в Ленинград, но папа в это время уже жил отдельно от мамы.

Папа ко мне относился очень хорошо и внимательно. Он дал мне возможность подучиться поэзии и даже посвятил мне большую свою африканскую поэму «Мик», сделав на ней надпись: «Это смыну

Льву. Пускай он ее дерет и треплет, как хочет». Но последний раз я папу видел, когда он приезжал, чтобы забрать Анну Николаевну с Леной в Петроград (Петроград тогда еще). И с тех пор я его не видел.

К маме я приехал уже позже, когда мне было 17 лет (это был 1929 год), и кончил школу уже в Ленинграде. Но жить надо сказать, в этой квартире, которая принадлежала Лунину, сотруднику Русского музея, было довольно скверно, потому что ночевал я в коридоре, на сундуках. Коридор не отапливается, был холодный. А мама уделяла мне внимание только для того, чтобы заниматься со мной французским языком. Но при ее антипедагогических способностях я очень трудно это воспринимал и доучил французский язык, уже когда поступил в университет.

***

Из всех интеллигентов, с которыми я встречался, лучше всех ко мне отнесся ныне покойный ректор университета Александр Алексеевич Вознесенский, который дал мне возможность защитить диссертацию в университете, но это было уже значительно позже. Прошла война, большую часть которой я провел в Норильске, работая в шахтах и в геологических экспедициях, после чего я пошел в армию добровольцем и участвовал в штурме Берлина. Когда я вернулся, то узнал, что сестра моя Лена вместе со своей матерью Анной Николаевной погибли во время блокады. Мама встретила меня очень радостно, мы целую ночь с ней разговаривали, она читала мне свою новую поэму, свои новые стихи.

С Луниной она уже рассталась совершенно, и у неё были две комнаты. В одну из них она меня пустила и прописала. И я поступил в аспирантуру Института восководения, но как только совершилось постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», т. е. о моей маме, то меня оттуда выгнали, несмотря на то, что за первый же год я сделал все положенные надклады и сдал все положенные экзамены. И диссертация у меня тоже была готова, но тогдашняя дирекция института, которой командовал доктор филологических наук Боровков, заявила, чтобы я убирался и они меня не поставят на защиту. И я оказался на улице с очень плохой характеристистикой, совершенно несправедливой.

И тут мне удалось устроиться в психиатрическую больницу библиотекарем. Там я наладил библиотеку, выдавал больным и врачам книги, устроил передвижку, получил хорошую характеристику, и тогда-то я и обратился в университет, где ректор разрешил мне защищать кандидатскую диссертацию. Мы с мамой очень переживали это, потому что жили очень скучно: отапливать помещение

Николай Гумилев, Лев и Анна Ахматова.
Царское Село, 1915 г.

было невозможно, денег на дрова не было, и мне помнится, как я пилил и колол дрова и таскал их на третий этаж на своем горбу, чтобы отапливать хотя бы одну комнату из двух.

С питанием было тоже очень плохо, и поэтому, когда я шел на защиту кандидатской диссертации, съел все, что было дома. Дома не осталось даже куска хлеба, и отпраздновать мою защиту можно было только в складчину. Кое-кто подкинул мне денег, пришли, поздравили меня с защитой кандидатской, совершенной блестящей.

Институт востоковедения Академии наук и тут сыграл свою роль. Он вызвал Александра Наташевича Бернштама, заступника директора киргизской науки, для того чтобы он разоблачил меня перед Ученым советом и завалил мою диссертацию. Он сделал мне 16 враждебных, из которых два считали самыми злобными: незнание восточных языков и незнание и неупотребление марксизма. Я ответил ему по 16-ти пунктам, в том числе я говорил с ним по-персидски, на что он не мог ответить; я приводил ему тюркские тексты, которые он плохо понимал, гораздо хуже меня. Я рассказал свою концепцию в духе исторического материализма и спросил моих учителей, насколько они согласны. Привел цитату из его работы, где было явное нарушение всякой логики, и, когда он запротестовал с места, я попросил принести журнал из библиотеки, чтобы проверить цитату.

15 голосов было за меня, один — против. Это было для меня совершеннейшее торжество, потому что с этими академическими деятелями я устроил избиение младенцев, играя при этом роль царя Ирода.

Но после этого постановления мы с мамой оказались опять в бедственном положении. С большим трудом меня приняли на работу в Музей этнографии народов СССР с зарплатой в 100 рублей, т.е. примерно на том же положении, как я был в аспирантуре. Денег у нас не хватало. Мама, надо сказать, очень переживала лишение возможности печататься. Она мужественно переживала это, не жаловалась никому. Только очень хотела, чтобы я разрешили снова вернуться к литературной деятельности. У нее были жуткие бессонницы, она почти не спала, засыпала только уже под утро, часов так в семь, когда я собирался уходить на работу. После чего я возвращалась, приносил ей еду, кормил ее, а остальное время она читала французские и английские книги. Вот таким образом, все время занимаясь, она очень развивалась, расширила свой кругозор. А я, грешный человек, тоже под научился. Пока не случилось события, которому объяснение я не могу найти до сих пор.

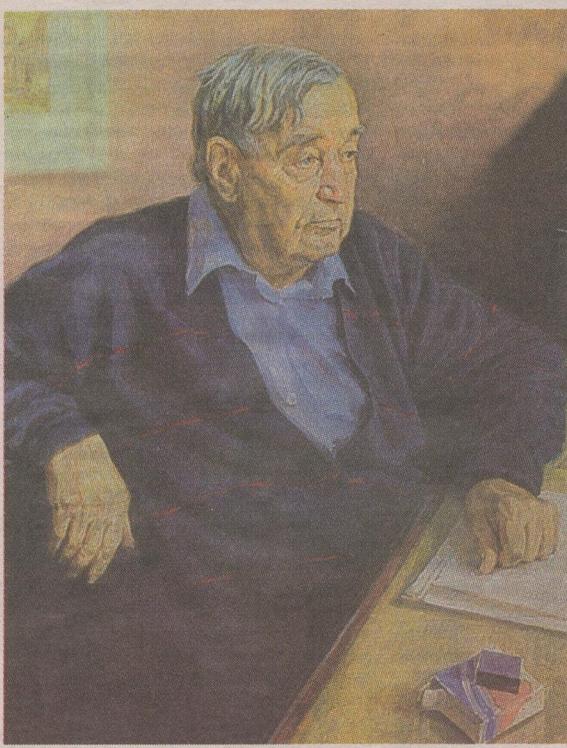

Бюст Льва Гумилева в Казани.

с этими девочками, которые потом стали бабами. В детстве она играла с ними в лапту, и вообще они были в самых лучших отношениях. В 1917 году, когда, естественно, надо было уезжать, крестьяне помогли нам уложить на возы и перевезли в соседний город Бежецк, где я прожил первые 10 лет своей жизни.

За это время папа приезжал к нам раза два или три. Один раз он занимался со мной, рассказывая мне, что такое стихи и как я должен изучать историю; велел дать мне книжку о завоевании готами Италии и победе византийцев над готами, которую я потом внимательно прочитал. И я помню только, что бабушка моя Анна Ивановна, говорила: «Коля, зачем ты даешь ребенку такие сложные книги?». А он говорил: «Ничего, он поймет». Я не только понял, но и запомнил все до сего времени.

Когда мне было 5 лет, бабушка Анна

(Начало на 2 стр.).

Внезапно в 1949 году, после того как мама погостила в Москве у Ардовых и вернулась, пришли люди которые арестовали сначала Лунина, нашего соседа, а потом пришли за мной, арестовали меня. Следствие заключилось в том, что следователи задавали мне один и тот же вопрос: «Скажи что-нибудь антисоветское, в чём ты виноват?». А я не знал, в чём я виноват. Я считал, что я ни в чём не виноват, и никаких неприятностей вообще вспоминать даже не мог. Тем не менее меня осудили на 10 лет, опять-таки особым совещанием, причем в заключение мне прокурор сказал: «Вы опасны, потому что вы грамотны. Получите 10 лет». И я их получил.

Срок я отбывал сначала в Караганде, потом в Междуреченске, между двумя реками очень красивыми — Томью и Усой, и, наконец, в Омске, там же, где Достоевский был. И тут 1956 год, XX

съезд (дата, которую я вспоминаю всегда с благоговением) дал мне свободу. Мама присыпала мне посылки — каждый месяц одну посылку рублей на 200 тогдашними деньгами, т.е. по нашим деньгам на 20 рублей. Ну, кое-как я в общем не умер при этой помощи.

Но когда я вернулся, к сожалению, застал женщину старую и почти мне незнакомую. Ее общение за это время с московскими друзьями — с Ардовым и его компанией, среди которых русских, кажется, не было ни кого — очень повлияло на нее, и она встретила меня очень холодно, без всякого участия и сочувствия. И даже не поехала со мной из Москвы в Ленинград, чтобы прописаться в своей квартире. Меня прописала одна сослуживица, после чего мама явилась, сразу устроила скандал — как я смел вообще прописываться?! (А не прописавшись, нельзя было жить в Ленинграде!). После этого я прописался у нее, но уже тех близких отношений, которые я помнил в своем детстве, у меня с ней не было.

Здесь она от меня требовала, чтобы я помогал ей переводить стихи, что я и делал по мере своих сил, и тем самым у нас появилось довольно большое количество денег. Я поступил работать в Эрмитаж, куда меня принял мой старый учитель профессор Артамонов, с которым я был вместе в экспедиции. Там я написал книгу «Хунну», написал свою диссертацию «Древние тюрки», которую защитил в 1961 году. Маме, кажется, очень не нравилось, что я защищал докторскую диссертацию.

Почему — я не знаю. Очевидно, она находилась под сильным влиянием. В результате 30 сентября 1961 года мы расстались, и я больше ее не видел, пока ее не привезли в Ленинград, и я организовал ее похороны и поставил ей памятник на те деньги, которые у нее на книжке остались и я унаследовал, доложив свои, которые у меня были.

Надо сказать, что для меня мама представляется в двух ипостасях: милая, веселая, легкомысленная дама, которая могла забыть сделать обед, оставить мне деньги на то, чтобы я где-то поел, она могла забыть — она вся была в стихах, вся была в чтении. Она очень много читала Шекспира и о Шекспире и часто не давала мне заниматься, потому что если она вычитывала что-нибудь интересное, вызывала меня и сообщала мне это. Ну, приходилось как-то реагировать и переживать. Но все равно это было все очень мило и трогательно, я бы сказал. Но когда я вернулся после 56-го года и когда началась моя хорошая творческая трудовая жизнь, то она потеряла ко мне всякий интерес. Иногда я делал ей визиты, но она не хотела, чтобы я жил ни у нее на квартире, ни даже близко от нее. Я получил очень маленькую комнату в конце Московского проспекта, так что встречались мы эпизодически, редко, и об этом периоде ее жизни я ничего рассказать не могу.

Но своей жизнью, вот этими последними 30-ю годами я очень доволен. В Эрмитаже профессор Артамонов давал мне возможность сидеть в библиотеке и заниматься, и писать. Там я доработал то, что я сделал, еще находясь в Сибири, на тяжелых работах, где был иногда инвалидом, иногда библиотекарем, иногда просто больным, но мне удалось тогда написать очень много Черновиков по тем книгам, которые мне присыпали. Затем я за 5 лет отработал свои две книги — «Хунну» и «Древние тюрки». Вторую я

защитил как диссертацию на степень доктора исторических наук, после чего был приглашен в университет, и — поскольку я интересовался исторической географией — на географический факультет. Это был самый лучший период моей жизни. Я просто был счастлив, что могу ходить на работу, могу читать лекции. На лекции ко мне приходили не только студенты (не смысливши, что всех удивляло), но даже в большом количестве вольнослушатели. И все эти 25 лет, которые я в университете, я занимался этой работой, а в свободное время — отпускное и каникулярное — продолжал писать книги по истории, географии и этнологии.

Итак, я считаю, что творческий вклад в культуру моих родителей я продолжил в своей области, оригинально, не подражательно, и очень счастлив, что жизнь моя прошла не бесполезно для культуры нашей страны.

Лев ГУМИЛЕВ

ИСТОРИЯ

В чужих словах скрывается

пространство:

Чужих грехов и подвигов чреда

Измены и глухое постоянство

Упрямых предков, нами никогда

Невиданное. Маятник столетий

Как сердце бьется в сердце у меня,

Чужие жизни и чужие смерти

Живут в чужих словах чужого дня.

Они живут, не возвратясь обратно

Туда, где смерть нашла их и взяла.

Хоть в книгах полуустерты и невнятны

Их гневные, их страшные дела.

Они живут, тумана древней кровью,

Пролитой и истлевшеею давно

Доверчивых потомков из головья.

На всех прядет судьбы веретено

В один узор; но разговор столетий

Звучит как сердце, в сердце у меня.

Так я двухсердый, я не встречу смерти

Жива в чужих словах, чужого дня.

1936 г.